

СИСТЕМА ИМЕН В ПЕРЕВОДЕ «АТЛАСА БЛАУ» И РЕКОМЕНДАЦИИ ГРАММАТИК ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Николенкова

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия; natanik2004@mail.ru*

Аннотация: В статье описывается склонение существительных в переводном сочинении середины XVII века, известном как «Атлас Блау». Данный текст был переведен с латинского языка в Москве в конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в. киевскими книжниками во главе с Епифанием Славинецким и переписан московскими писцами. Перевод осуществлен после выхода в свет московского издания грамматики Смотрицкого и во многом ориентирован на него. В статье показано, что и сами переводчики, и переписчики текста владели нормами грамматики, пользовались ей при работе над текстом и в большинстве случаев стремились точно соблюдать прописанные правила. Система склонения существительных, представленная в московском издании грамматики, отличается от грамматических сочинений, изданных в Юго-Западной Руси, с которыми киевские книжники были знакомы. В осуществленном в Москве переводе образованные киевские переводчики учитывали расхождения между сочинениями и ориентировались на московские нормы; помимо этого, они вносили свои представления о грамматической вариативности, выстраивали собственную систему склонения. В статье будут рассмотрены парадигмы, отражающие ориентацию на московскую грамматику 1648 г.; далее будет продемонстрировано, как киевские книжники выстраивают свою систему противопоставления одних парадигм другим, стремясь к устранению заложенной в грамматике вариативности. В конце рассмотрено существенное расхождение черновики и беловых вариантов, также отражающее разную степень ориентации на московскую грамматику. Подход переводчиков к тексту, по нашему мнению, позволяет относить созданный ими текст к ученому регистру церковнославянского языка, формирующемуся как раз в середине XVII в.

Ключевые слова: церковнославянский язык XVII в.; ученый регистр; грамматика церковнославянского языка; склонение существительных

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-2

Для цитирования: Николенкова Н.В. Система имен в переводе «Атласа Блау» и рекомендации грамматик церковнославянского языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 19–29.

THE NAME SYSTEM IN TRANSLATION OF THE *BLAU ATLAS* AND THE RECOMMENDATIONS OF CHURCH SLAVONIC GRAMMARS

N.V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natanik2004@mail.ru

Abstract: The article describes the declension of nouns in a translated work of the middle of the 17th century, known as the *Blau Atlas*. This text was translated from Latin in Moscow in the late 50s — early 60s of the 17th century by Kiev scribes led by Epiphanius Slavintsky and rewritten by Moscow scribes. The translation was carried out after the publication of the Moscow edition of Smotrytsky's grammar and was largely focused on it. The article shows that both the translators themselves and the scribes of the text knew the norms of grammar, used it when working on the text and in most cases sought to strictly observe the prescribed rules. The system of declension of nouns, presented in the Moscow edition of grammar, differs from the grammatical works published in Southwestern Russia, with which the Kiev scribes were familiar. In the translation carried out in Moscow, educated Kiev translators took into account the discrepancies between the works and were guided by Moscow norms; in addition, they introduced their ideas about grammatical variation, built their own declension system. The article will consider paradigms that reflect the orientation towards the Moscow grammar of 1648; further on, it will be demonstrated how the Kievan scribes build their own system of opposing one paradigm to another, striving to eliminate the variability inherent in the grammar. At the end, a significant discrepancy between drafts and final versions is considered, which also reflects a different degree of orientation towards Moscow grammar. The approach of translators to the text, in our opinion, can attribute the text created by them to the scientific register of the Church Slavonic language, formed just in the middle of the 17th century.

Keywords: Church Slavonic language of the 17th century; scientific register; grammar of the Church Slavonic language; declension of nouns

For citation: Nikolenkova N.V. (2023) The Name System in Translation of the *Blau Atlas* and the Recommendations of Church Slavonic Grammars. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 19–29.

Во второй половине XVII в. церковнославянский язык усложняется, возникает новый его регистр, названный В.М. Живовым ученым церковнославянским [Живов 2017: 874–887]. Особенностью данного регистра будет формирование грамматического подхода к книжному тексту, появление требования к грамматически исправному переводу. Такой подход оказывается «доступен лишь ограниченной группе книжников, тогда как большинство занимающихся книжной деятельностью, видимо, вообще не знакомо с грамматическими трактатами» [Там же: 879]. Возникает новый

подход к книжному тексту — его «реформирование превращается в ученую разработку» [Там же: 881], которая актуализирует значение нормативной регламентации книжного языка — в первую очередь в сфере признаков книжности [Там же: 882]. Живов иллюстрирует свои положения ссылкой на систему прошедших времен, которая представлена в грамматике Смотрицкого (приводится в качестве примера издание 1619 г. [Там же: 883]).

В своей монографии В.М. Живов не приводит примеров сочинений или переводов XVII в., которые могут служить образцом ученого церковнославянского языка. Однако такой пример намного ранее приводил А.И. Соболевский — в начале XX в. он назвал ученым церковнославянским язык перевода голландского географического сочинения *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus* [Соболевский 1903: 52–63], выполненный в Москве в конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в. Епифанием Славинецким (I том, большая часть Европы), Арсением Сатановским (II том, фрагменты Европы и отдельные части Азии и Америки) и Исайей Чудовским (остальные части — описание Италии и Англии)¹. Беловики делали московские писцы, причем первые две части практически полностью переписаны одним, очевидно чрезвычайно грамотным писцом, знающим и умеющим соблюдать в первую очередь орфографические нормы. Киевские книжники в процессе перевода не меняли привычные им орфографические нормы и следовали югозападнорусским грамматикам Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Орфографические каноны этих сочинений были скорректированы при подготовке к печати в Москве грамматика 1648 г. (далее ГМ); в своей работе с беловиками Атласа Блау московский писец исправлял киевские орфографические нормы на привычные и кодифицированные московские, что было характерно для многих текстов данного периода [Николенкова, 2016; Николенкова 2019].

Правильный путь создания текстов ученого регистра церковнославянского языка состоит в последовательном овладении разными уровнями грамматического учения [Живов 2017: 879]. Вероятнее всего, овладение правописными московскими нормами не было главной задачей Славинецкого и его товарищей, так как исправления могли делать и сами московские писцы. Другое дело — грамматический уровень, следование кодифицированным в ГМ парадигмам знаменательных частей речи и принципам согласования их между собой. Киевским книжникам грамматические описания были в большей степени известны и понятны, чем московским, в связи с чем, как мы полагаем, Славинецкий и его товарищи внимательно

¹ Переводу сочинения посвящен ряд статей Н.В. Николенковой.

изучили грамматические предписания ГМ и использовали их при создании перевода. В настоящей работе мы покажем, как реализованы киевскими книжниками кодифицированные ГМ предписания о словоизменении существительных.

Московские издатели ГМ внесли в раздел «Об имени» целый ряд исправлений [Кузьмина 2007: 555–573]. Эти исправления существенно меняют парадигмы первого издания грамматики Смотрицкого (далее ГС) — из 54 именных парадигм полное совпадение обнаруживается только в пяти парадигмах, причем все они относятся к а-склонению (первому в грамматике) [Там же: 558], в остальных парадигмах Михаилом Роговым и Иваном Наседкой проведена корректировка системы грамматических норм в соответствии с их книжно-языковой практикой [Там же: 559]. Проанализировав характер словоформ именного склонения, представленных в переводе Атласа Блау², мы можем говорить о знании переводчиками системы существительных, кодифицированной в ГМ, и об ориентации их на это издание.

Как ГС, так и ГМ предписывает для существительных с основой на заднеязычные согласные сохранять в ряде форм чередования (в парадигмах *дрогъть*, *пророкъть*, *грѣхъ* это сказ. п. ед. и мн. ч., им. мн., зв. формы [ГМ: 109–110об.; Кузьмина 2000: 190–192]; в парадигмах *влага*, *рѣка* это формы дат.-сказ. ед. ч. и им.-вин. дв. ч. [ГМ: 96об.–97об.; Кузьмина 2000: 174–175]; при этом для парадигмы *сноха* выявлены расхождения: в ГМ чередование предусмотрено только в им.-вин. дв. [ГМ: 97об.–98], тогда как ГС рекомендует чередование х/с и в дат.-сказ. ед. ч.). Е.А. Кузьмина связывает решение московских редакторов изменить характер кодификации с лексической мотивацией: слово «сноха» не является принадлежностью книжного языка, исключение составляют формы дв. ч. [Кузьмина 2007: 566].

Переводчики Атласа Блау Славинецкий и его товарищи стараются выдерживать все рекомендованные чередования, например в дат. ед.: *кѣлѣрѣцѣ* (9), в сказ. ед.: *на верѣцѣ* (2об.), *на вѣрѣцѣ* (19), *въ вѣтѣцѣмъ*³ *крѣцѣ* (21), *въ Хронѣцѣ* (27), *въ Лѣвѣрѣцѣ*, *въ Вѣвѣрѣцѣ* (30об.), *въ книзѣ* (39об.), *въ градѣхъ* (50), *при рѣцѣ* (187об.), *въ Ставростѣцѣ* (185)⁴, *въ Фрѣдерѣцѣ Барбаросѣ* (186об.); им. мн.: *мъзици* (22об.), *Свѣтклѣтици* (29об.), *художици обрѣтаются*, или *Хрѣстіанстѣи плѣнѣници* (50об.), *населѣници* (104); сказ. мн.: *въ верѣцѣхъ* (77), *при*

² Нами проанализированы черновики и беловики I–III томов. В данной статье привлечены материалы из I тома: автограф Епифанія Славинецкаго (ГИМ, Син. 779) и беловик этого же тома (ГИМ, Син. 19; примеры приводятся по данной рукописи с указанием листа; частично в примерах снимается акцентуация).

³ Окончание и чередование соответствует парадигме прилагательного [ГМ: 135].

⁴ В латинском оригинале: in Staurosticho (6a).

стѡцѣхъ (187об.). Отступления бывают (объем перевода 1729 листов), причем в ряде случаев отказ от чередования можно объяснить. К примеру, в им. п. мн. ч. **Антеки, Періеки** (5) или **стихи** (185) авторам важно сохранить без изменений малоизвестное читателям слово⁵, в сказ. ед. на **Цкѣ плоскои** (боб.) чередование отсутствует по лексическим и фонетическим причинам; отступления допускаются для топонимов женского рода: **вБергѣ** (27), вероятно для разграничений с муж. р. Вариативность в оформлении им. п. мн. ч. имеет сущ. **греки/грековѣ**, что скорее свидетельствует о неуверенности переводчиков в отнесении лексемы к определенной парадигме. Таким образом, можно говорить о понимании киевскими книжниками причин, по которой книжник может отступить от грамматической рекомендации.

Расхождение в кодифицированных ГС и ГМ парадигмах представляют формы тв. ед. м. р. и дат. мн. м. р. В ГС противопоставление обеспечивалось за счет использования графем **ѡ** и **ѣ** как универсальных показателей множественности: **клевретѡ^М/клевретѣ^М**; **гармомѣ^М/гармомѣ^М**; **чванцеѣ^М/чванцеѣ^М** [Кузьминова 2000: 185–193]. Рогов и Наседка вводили противопоставление данных падежных форм посредством **ь** — **ѣ** (**о/ѣмь** в тв. ед. и **о/ѡ/ѣмь** в дат. мн. [Кузьминова 2007: 566–567]), где форма дат. мн. имела дополнительное графико-орфографическое отличие — использование **ѡ/ѣ** как показателя множественности. Е.А. Кузьминова полагает, что орфографическая дифференциация графемами **ь/ѣ** для иосифовских справщиков является более привычной, традиционной [Там же: 567]⁶. Однако исследования С.М. Кусмауль демонстрируют, что стремление к выбору **ѡ** как показателя рл.-форм начинается в русской печатной традиции еще в 20–30-х гг. XVII в. [Кусмауль 2018: 82]; причем осознанный характер тенденции наиболее ярко выявляется при правке — подготовке изданий к печати [Там же: 86]. Печатные издания 40-х гг. сохраняют противопоставление графем **о** и **ѡ** как показателя sg. или рл.-форм существительных только по принципу антистиха [Там же: 157, 162]. Однако правка в печатных изданиях может опережать рукописную традицию.

Проанализированный материал Атласа говорит о том, что противопоставление конечных **ь** — **ѣ** не было привычным для книжников. Отмеченные нами примеры употребления сущ. м. р. в тв. ед.

⁵ Еще одна лексема, в парадигме которой отсутствуют кодифицированные ГМ чередования, — **пнрга** (башня). Грецизм часто употребляется Епифанием Славинским, в том числе вводится им в перевод Нового Завета. Причиной отсутствия форм ***пнрзи**, вне всякого сомнения, связана с новизной грецизма для читателей.

⁶ При этом в тексте ГМ присутствуют и неисправленные окончания тв. ед. с -ѣ: **гармомѣ, отцеѣмь, домомѣ, дроугѣ дроугомѣ** [ГМ: 107, 113, 122, 125].

дают только окончание -омъ: **западнымъ вѣтромъ** (19), **ближнимъ морскимъ островомъ повелителствоваше** (26об.), **ледомъ сгѣстѣвается** (27), **дерномъ зеленымъ** (29); **ѿстоитъ острогомъ неповѣдимымъ** (40об.), **Понтомъ окръжается** (50); **междѣ источникомъ Вислы, иградомъ Московски**^М (64), **соборомъ славенъ** (64об.) и под. Кроме того, в рукописных источниках того же периода, где ориентация на грамматическую традицию подчеркивается регулярными правками текста именно в соответствии с грамматическими нормами, мы также отмечаем -омъ в тв. ед. К примеру, при рукописном исправлении киевского издания «Поучения» Агапита (до 1660 г., когда «Поучение» было издано на Московском Печатном дворе) писец не заменял указанные формы: **съ всакимъ опаствомъ** [Николенкова 2019: 108]. В «Житии Федора Ртищева» середины XVII в. (рукопись ГИМ Син. 716) представлены такие формы тв. ед.: **гнѣвомъ**, **сѣдомъ**⁷ и др. В рукописи второй половины XVII века, содержащей перевод Епифания Славинецкого «Гражданство обычаев детских» (РГБ, МДА № 108), также зафиксированы формы тв. ед. на -омъ: **лзыкомъ лизати**, **платомъ оуста закрыти**⁸ и под.

В формах мн. ч. у сущ. м. р. в Атласе Блау мы отмечаем регулярное употребление **w/e** в дат. мн.: **Скиѣланымъ** (50), **населникымъ** (64об.), **противѣ сосѣдымъ оунгарымъ** (79об.); **Россинскимъ кѣпцемъ** (40об.), **кнѣземъ** и под.⁹ Анализ других форм в парадигмах мн. ч. демонстрирует, что основной писец первых томов придерживается орфографических канонов ГМ и использует **w** и **e** как универсальный показатель множественности и в других падежных формах¹⁰. Так, в форме род. мн. м. р. ГМ допускает вариативность — **грѣхувъ/грѣхъ**, **прорѣкъ**, **древъ** [ГМ: 108, 110–110об.], в род. мн. ж. р. происходит мена гласной — **воевудъ**, **снѣхъ**, **мрежъ** [Там же: 95, 98–98об.]. В беловиках Атласа Блау регулярно отмечаем: **развоиникувъ** **неимѣтъ** (27), **кѣпцевъ сѣдалище** (27об.), **велблюдувъ множество** (50), **образцевъ оупотребляють** (50об.), **волувъ великихъ** (64об.), **всѣхъ островувъ** и **Херсонисувъ** (103об.); **гѣръ**, **кѣзъ**, **велмѣжъ**, **вѣдъ** (passim) и т. д. Все случаи отступления можно объяснить лексическими причинами — писцу беловиков могли быть неизвестны некоторые употребленные переводчиками слова. Так, в главе

⁷ Формы зафиксированы студенткой 4-го курса П.А. Сапуновой (с/с Н.В. Николенковой).

⁸ Исследование текста сочинения проводилось в с/с Н.В. Николенковой и отражено в дипломной работе Н.В. Пресновой (2019 г.).

⁹ Те же окончания зафиксированы в упомянутых выше рукописях «Жития Федора Ртищева» (**рабѣмъ**, **инѣкѣмъ**) и «Гражданства обычаев детских» (**началникѣмъ** и **перѣмъ честь вѣдалти**).

¹⁰ Писец беловиков регулярно правит черновики киевских книжников в случае несоблюдения ими этого канона [Николенкова 2016: 12].

«Поль Арктицкіи» читаем: *изъщнѣишихъ Авторовъ въроу истиннѣ разꙋмѣнїа покрѣпляютъ* (18об.). Словарь XVII в. фиксирует лишь одно употребление лексемы [Сл XI–XVII: 20], редко используют его наши переводчики, предпочитая «творец».

Другой особенностью род. п. мн. ч. будет распределение по разным типам склонения окончаний **-ей** и **-ій**. ГМ предлагает вариативность в парадигмах третьего и четвертого склонений: *заповедій/ей, матерій/ей и пастырей/ь, матежей/ь* [ГМ: 120об. — 124], а также для парадигм *лодіа, сѣдіа* (ж. р. и общ. р. [Там же: 102–103]). Окончание **-ій** кодифицировано также для сущ. м. р. на **-іа** (*захарїа*), а также слов ср.р. на **-іє** (*знаменїє*) [Там же: 101об., 130]. Переводчики Атласа отказываются от такого подхода и самостоятельно устанавливают модель использования флексии **-и** для ср. р. и ж. р. на **-іа**: *писанїи* (24об.), *зданїи, тѣпографїи* (25), *верхоградїи* (27), *орꙋжїи* (51), а **-ей** используется для слов ж. р. и м. р., которые в им. п. ед. ч. имеют нулевое окончание: *кораблен, частен* (25), *звѣрен* (26), *вещен* (30), *ржен, еленен* (50), *конен* (51), *мꙋжен* (142об.) и т. д. Такое распределение окончаний не зафиксировано и в ГС, то есть является тем самым актом «моделирования» языковой системы, ее «ученой разработки», о которой писал В.М. Живов как о признаке ученого регистра церковнославянского языка [Живов 2017: 881, 883].

В отношении других падежных форм мн. ч. текст Атласа Блау демонстрирует различные подходы. Например, Епифаний Славинецкий, его товарищи и московские переписчики текста не допускают отклонения в формах им. п. мн. ч. сущ. м. р. на **-инъ** (названия народов), где и ГС, и ГМ рекомендуют флексию **-є**: *Хрістіанє, Москванє, Лївонанє, Американє, Дананє*; регулярно употребляется форма *гражданє, заморанє*. Точное знание правильной формы подчеркивается в данном случае еще и тем, что в тексте регулярны случаи двойной номинации: *Норвеганє, иже такожде Нортманни* (26об). Грамматически корректно употребляется форма *словеса* (passim), встречается форма *древеса* (25, 142об.), хотя ГС и ГМ рекомендуют форму *древа* [Кузьминова 2000: 188; ГМ: 108об.]. Шире, чем рекомендовано в ГМ, используют книжники представленную только для парадигмы *сынъ* [ГМ: 113об.] форму на **-ове**; при этом может быть использована графема **w** как универсальный показатель множественности: *градѡвѣ/ градовѣ, воловѣ, Грековѣ* (passim), *Гꙋнновѣ* (66об.).

В тв. п. мн. ч. м. и ср. р. ГМ предлагает варианты окончаний **-ы/-ами** (*ївнами/ы, клеветами/ы, гарамами/ы, древами/ы* и др. [Там же: 94, 105об., 106об., 108об.]). Епифаний Славинецкий и его товарищи отдают предпочтение архаичному окончанию **-ы/и**, входящему для московского варианта церковнославянского языка в систему маркеро-книжности [Живов 2004: 46]: *нашествїи своими оꙋдрꙋчиша*

(26об.), **овилѣтъ страна говяды и звѣри** (27), **четыре составлется еписпствы** (27), **Норвегскими престателствы** (28об.), **тѣсными предѣлы** (64), **оружии и богатствы наипаче силна** (66), **седми поприци Германскими** (103об.) и т. д. Однако для слов обыденного языка, причем в книжных контекстах, где описывается природа стран, климат, богатства флоры и фауны, переводчики вполне могут выбрать окончание **-ами**: **хладами оужасна** (24об.), **кораблами** (26), **дернами из нивы ископанными** (27), **лѣсами, полами, гаами, рѣками, кзерами и рѣдами** (64об.–65), **поромами рѣка перевозима** (80об.) и др. В редких случаях данная флексия присоединяется к книжным лексемам: **греческими и нашими прославенна стіхамн** (25, лексема «стих» в значении 'стихотворное произведение' редко встречается в церковнославянском языке [СлРЯ XI–XVII, 2008: 66]); **пиргами оутверждаетса** (142об.) и т. д.

В отношении форм сказ. п. мн. ч. м. р. ГМ также предлагает некоторую вариативность: для части существительных рекомендуется **-еухъ** (**отець** [ГМ: 111об.]), для других **-ѣухъ** (**грѣухъ** [Там же: 110об.]), есть оба варианта флексии (**пророкъ** [Там же: 110]); в сказ. п. мн. ч. ср. р. есть также вариант **-аухъ** (**сердце** [Там же: 112об.]). Нет единообразия и в Атласе Блау — в одной главе можно встретить разные окончания, к примеру: **по временехъ, на снухъ мѣстахъ, въ паматехъ, въсворахъ** (80–81); при этом найти критерии употребления того или иного окончания не представляется возможным.

Наибольший интерес представляют формы существительных на **-іа** — названия стран, городов, рек и других географических объектов, в подавляющем большинстве представляющие слова sg.t.: **Ісландіа, Норвегіа, Швекіа, Даніа, Литваніа, Рѣссіа** (названия стран); **Новоградіа** (64об.; в латинском оригинале *Novogardia*, 31b); **Кіевіа, Варсавіа; Подоліа, Подласіа, Массовіа** (названия городов и областей, хотя редко отмечаются варианты **Волоніа** (все примеры из главы **Полоніа**)); **Мархіа** (река, л. 79об., глава **Аустріа**). Другая группа слов, относящаяся к этой парадигме, — термины (**Астрономіа, Географіа, Зодіа**), широко представленные во Вводжении в Космографию. При описании этих примеров мы должны в первую очередь отметить, что между черновыми и беловыми экземплярами регулярно наблюдаются различия в акцентуации, причем именно в косвенных падежах. Формы им. п. в черновых экземплярах регулярно представляют собой названия глав и прописываются без постановки акцентных знаков.

В беловиках надстрочные знаки проставляются и в этих случаях: **Даніа, Полоніа** и т. д. При употреблении в косвенных падежах наиболее грамотный из московских писцов (автор беловика Син. 19

и большей части Син. 112) не изменяет места постановки ударения¹¹, благодаря чему в беловиках отмечается следующая парадигма: род. п.: **Ѡ Пернавіи Лівонскагѡ града** (64); **Італіи протнвоположна** (67об.); дат. п.: **Полоніи и Літваніи прѣстателствѣ Владисла** (22); вин. п.: **Вреттанію, и Гибѣрнію правитѣ Карол Іакѡва Стѣрта сынѣ** (21об.); тв. п.: **междѣ Лівонією, и Борѣссією положенно** (65); сказ. п.: **вѣ Гелвѣтін веси нѣкіа сѣть каѡлоліческіа** (22); **вѣ вышшой Австрін** (79об.). Вариативность нами отмечена незначительная: так, в в. п. ед. ч. встречаются варианты **Агглію/Леодіѣ** (26об.) с преобладанием грамматически корректной формы на **-ію**.

Окончания в указанных формах соответствуют приведенной в ГМ парадигме лексемы **лодіа** [ГМ: 102], однако не совпадают с последней в акцентуации — большая часть парадигмы имеет ударение на конечном звуке (**лодіа, лодіи, лодію** [Там же]), что не совпадает с представленной в ГС: **лѡдіа, лѡдіа** [Кузьмина 02000: 180], где справщики ГМ заменяют окончание в форме род. п. на **-и**. Обращение к черновикам показывает, что киевские книжники строго следуют данной в ГМ парадигме и в отношении расстановки акцентных знаков: **верхѣ Македоніи, Месіи радѣленіе** (Син. 779, автограф Славинецкого, л. 110) и т. д. Сталкиваясь с формой, по-новому кодифицированной московскими составителями грамматики, образованные киевские книжники старались соблюдать введенное в грамматику правило.

Московские авторы чистовых экземпляров соблюдали, по-видимому, нормы московского произношения, не меняя привычного ударения. На это указывает метаязык ГМ, где отмечаются формы **орѡграфіи, просвѣди** и под., в которых место ударения в именительном и косвенных падежах неизменно [Кузьмина 2007: 562–563]. Названия городов и стран были мало известны московским книжникам, однако их практика подсказывала не переносить ударение. Отметим, что в беловых экземплярах Атласа можно встретить немало примеров существительных, акцентуация которых совпадает с московским вариантом: **Блѣгостына**, к примеру.

Частотность в географическом сочинении топонимов различного типа требует сделать и еще одно замечание. Именно в этом тексте, вероятно, впервые в московской книжной традиции, мы встречаемся с существительными несклоняемыми. Перечисляя названия городов, авторы дают транслитерацию латинского оригинала: **Опсло, Бакалао, Ансло, Фрерісктее** и подобные. Ни киевские, ни московские книжники не ставят задачу соотнести такие топонимы с типом

¹¹ Писцы, работающие над беловиком третьего тома, отличаются небрежностью в расстановке диакритических знаков, поэтому рассмотреть рукопись Син. 204 с этой точки зрения не удастся.

склонения, кодифицированным для славянских слов, и не изменяют данные формы. В определенном смысле руководством для них является *оувѣщеніе а̑* о словоизменении греческих, латинских и еврейских мужских и женских имен, где в парадигмах допустимо, к примеру, *Артѣміс*. Отметим, что в данном случае практика славянских книжников совпадает с позицией составителя латинского оригинала, где подобные топонимы также не изменяются.

Таким образом, текст Атласа Блау переведен с опорой на нормы московской грамматики 1648 г., киевские переводчики специально изучают представленные в ГМ парадигмы и реализуют это знание в своей работе. Перед нами оказывается текст, соответствующий параметрам ученого церковнославянского языка — ориентированный на грамматику и следующий ее предписаниям, а в ряде случаев выстраивающий свою модель трансформации грамматического указания. Можно предположить также, что изучение московской грамматики было проведено киевскими книжниками специально, ведь, приехав в Москву и поселившись в Андреевом монастыре, Славинецкий и его товарищи вместе с Федором Ртищевым намеревались открыть училище, где преподавание грамматики должно было стать первой дисциплиной.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Атлас Блау, черновик, автограф Епифания Славинецкого — ГИМ, Син. 779.
Атлас Блау, беловик — ГИМ, Син. 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика славенская. М., 1648.
2. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
3. Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017.
4. Кузьмина Е.А. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
5. Кузьмина Е.А. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. комментарий, подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминой. М., 2007. С. 493–612.
6. Кусмауль С.М. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
7. Николенкова Н.В. Орфографические особенности двух рукописей XVII века: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 9–20.
8. Николенкова Н.В. Справа киевского издания в Москве в середине XVII века как иллюстрация этапа формирования московской орфографической нормы // Русский язык в научном освещении. 2019, № 2 (38). С. 102–120.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008.
11. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

REFERENCES

1. Grammatika slavenskaya [Slavic grammar]. Moscow, 1648.
2. Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language in the 17th–18th centuries]. Moscow: *Languages of Slavic culture*, 2004. 656 p.
3. Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti [History of the language of Russian writing]. Moscow: *Russian Foundation for the Promotion of Education and Science*, 2017. 1285 p.
4. Kuz'minova E.A. Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Grammar Lawrence Zizania and Meletius Smotrytsky]. Moscow: MSU Publishing House, 2000. 528 p.
5. Kuz'minova E.A. Nauchnyi kommentarii // Grammatika 1648 g. / Predislovie, nauch. kommentarii, podg. teksta i sost. ukazatelei E.A.Kuz'minovoi. Moscow, 2007. P. 493–612.
6. Kusmaul' S.M. Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslav'yanskogo yazyka vo vtoroi polovine XVI — pervoi polovine XVII v. Diss. ... kand.filol.nauk. Moscow, 2018.
7. Nikolenkova N.V. Orfograficheskie osobennosti dvukh rukopisei XVII veka: ob avtorstve chernovika i belovika [Spelling features of two manuscripts of the 17th century: on the authorship of a draft and a final copy]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2016. № 1, pp. 9–20. (In Russ.)
8. Nikolenkova N.V. Sprava kievskogo izdaniya v Moskve v seredine XVII veka kak illyustratsiya etapa formirovaniya moskovskoi orfograficheskoi normy [Proof-reading of the Kyiv edition in Moscow in the middle of the 17th century as an illustration of the stage in the formation of the Moscow orthographic norm]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2019, № 2 (38). P. 102–120. (In Russ.)
9. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Vyp. 1. Moscow, 1975.
10. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Vyp. 28. Moscow, 2008.
11. Sobolevskii A.I. Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov [Translated Literature of Muscovite Rus' XIV–XVII centuries]. Saint Petersburg: 1903.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 03.11.2023

Received 26.12.2022

Accepted 17.10.2023

Revised 03.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Николенкова Наталья Владимировна — канд. фил. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natanik2004@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Nikolenkova — Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natanik2004@mail.ru